
УДК 316.3
ББК 60.52
Ж 33

З.А. Жапуев,

кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии, политологии и права ИППК Южного федерального университета, profkbsu@mail.ru

Социальный иммунитет как предмет научного дискурса **(Рецензирована)**

Аннотация. Статья посвящена практически неизученной в социологии проблеме социального иммунитета, которая нуждается в социологической концептуализации и формировании понятийного инструментария, что составляет предметное поле данного исследования.

Ключевые слова: социальный иммунитет, теория органицизма, концептуализация, общество.

Z.A. Zharuyev,

Candidate of Sociology, Doctoral Candidate of Department of Sociology, Political Science and Law, IPPK of the Southern Federal University, profkbsu@mail.ru

Social immunity as a subject of a scientific discourse

Abstract. This paper is devoted to poorly studied problem of social immunity which needs sociological conceptualization and formation of conceptual tools that make a subject field of this research.

Keywords: social immunity, organicism theory, conceptualization, society.

Социальный иммунитет как научная категория имеет на данный момент незначительную историю и в данной работе речь будет идти не столько о ней, сколько о теоретических основаниях ее появления и институционализации в научном дискурсе. Потребность в осмыслении имеющегося в научном пространстве знания о природе социального иммунитета определяется современной реальностью, отражающей «болезненный» характер функционирования общества, роста социальной анемии в нем и воспроизводства деструктивных явлений в ходе общественной динамики.

С этой точки зрения в данной работе ставится задача показать специфику изучения социального иммунитета в социально-гуманитарном знании и уровень научной концептуализации данной категории, ее артикуляризации учеными в том или ином аспекте в раз-

личное время становления социально-гуманитарного знания.

Как и многие другие теории и концепции, понятия и категории, социальный иммунитет свое изначальное осмысление как научная категория получает в философском знании. Вернее, следует говорить о предпосылках возникновения знания о социальном иммунитете в недрах философии, так как само понятие «социальный иммунитет» было введено в научный оборот сравнительно недавно. Точно сказать сложно, кем именно это было сделано впервые, однако артикуляция данного понятия принадлежит А. Зиновьеву, который в работе «Кризис коммунизма» говорит о механизме социального иммунитета, отталкиваясь от понимания общества как социального организма [1].

Собственно, именно на этой теоретической основе и формируется концепция социального иммунитета.

Само понятие «иммунитет», в переводе с латинского означающее «свободный от чего-либо», в социальную науку пришло из естественных наук, изучающих живые организмы и их способность приспосабливаться к окружающему миру. Иммуитет, с точки зрения биологической и медицинской науки, представляет собой комплекс реакций, направленных на защиту организма от инфекционных агентов и веществ, отличающихся от него чужеродными свойствами.

Иммуитет выступает важнейшим фактором адаптации организма к окружающей среде, поскольку позволяет противостоять внешним воздействиям и обеспечивать постоянство внутренней среды организма. В случае ослабления иммунной системы организм подвергается вредоносным вирусам и заболевает, что, в случае неблагоприятного течения болезни, может привести к смертельному исходу.

Идея «болезни» и «смерти» общества по аналогии с живым организмом изначально появилась в философском знании. В частности, в работе Т. Гоббса «Левиафан» говорится о социальной патологии и приводится достаточно новаторский для того времени перечень болезней, которые ослабляют государство и ведут к его распаду [2]. К такому Т. Гоббс относит:

- несовершенство конституирования государственной власти;
- учения мятежников, которые сильно влияют на поведение людей, склонных к переменам, беспорядкам и смутам;
- трудности во взимании денег;
- популярность подданных, могущество которых ввиду этого растет;
- наличие большого города в государстве;
- наличие большого числа корпораций;
- свобода высказывания выходцев из числа «подонков народа»;
- жажда расширения государственных владений;
- «опухоль» неассимилированных в результате завоеваний народов;
- «летаргия» изнеженности;

— мотовство пиршеств и ненужных расходов [3].

Своеобразным барометром социального иммунитета выступает уровень нравственности в обществе, духовно-нравственный потенциал народа. Кризисное состояние этого показателя развития современного общества особенно актуализирует проблему оздоровления общества, что на современном этапе нашло отражение в формировании теории нравственного иммунитета.

Под нравственным иммунитетом Д. Кудзилов предлагает понимать совокупность свойств личности духовного, морального и нравственного характера, направленных на конструктивную самореализацию и эффективную психологическую невосприимчивость (резистентность) индивида к деструктивным воздействиям окружающей среды [4]. Нравственная субстанция социального иммунитета, безусловно, важнейшая, стала архиважной в современных условиях ввиду роста антигуманных сил и настроений и дефицита гуманизма в целом, о чем свидетельствует расцвет террористического движения и интолерантного мировоззрения. Другими словами, происходит осознание нравственной первопричины кризиса современного мира. Однако изначально предпосылки формирования теории социального иммунитета были связаны с учением о государстве, как уже было показано выше на примере концепции Т. Гоббса.

Ю.К. Волков находит основания органического понимания природы социальной реальности в идеях Гегеля, для которого именно в государстве был заключен нравственный абсолют, так как «государство есть действительный, сущностный и наличный образ мира» [5], но отмечает при этом, что первым использовал метафору биологического организма в понимании социальной реальности О. Конт, в интерпретации которого социальный организм обладает социально-биологической двойственностью.

При всем том, что именно О. Контуетдается право первенства в формировании органицистского направления в области исследования общества, концептуального завершения эта идея в

его работах не получила, что, на наш взгляд, заставляет усомниться в верности сделанного Ю.К. Волковым вывода и обратиться к учению Г. Спенсера, по праву считающегося основоположником данного направления в социологической науке, на момент создания учения Спенсера находившейся на стадии институционализации.

Суть органической теории Спенсера сводится к пониманию общества как социального организма по аналогии с биологическим организмом, изучение закономерностей развития которого поможет понять закономерности общественного развития. На данном основании Г. Спенсер провел глубочайшую работу в области сравнения социального и биологического организмов и выявил черты сходства и различия в их функционировании.

Конечно же, сей труд классика социологии сейчас можно подвергнуть критике с различных сторон и усмотреть во многих его идеях излишний биологизм, но не имеет смысла отрицать того огромного вклада, который был внесен этим ученым в развитие социологии в рамках органицистского направления. Кроме того, учение Г. Спенсера об обществе как социальном организме стало основой для развития такого важного направления в социологии как функционализм, поскольку «Спенсер понимал общество как квази-организм, в котором его подсистемы выполняют необходимые функции по сохранению общественного целого» [6].

Нельзя не отметить вклад отечественных ученых в развитии социологического органицизма, и особенно такого видного его представителя как П. Лилиенфельд, труды которого относят к немецкому течению органицизма на том основании, что он, находясь на государственной службе в России, публиковал свои труды на немецком языке.

П. Лилиенфельд был глубоко убежден, что социология настолько связана с биологией, насколько человеческое общество — с органическим существом. Подобно органическому существу человеческое общество умирает в ситуации, когда оно распадается на части и в ре-

зультате этого утрачивает способность к самостоятельному существованию [7].

Общество, подобно живому организму, согласно воззрениям П. Лилиенфельда, состоит из клеток — человеческих индивидов. Проводя аналогию между обществом и организмом, в том числе в отношении отдельных процессов (к примеру, рождение, смерть) и отдельных органов, он отождествлял экономическую, политическую и юридическую с физиологической, морфологической и целостной ипостасями организма, что, по его мнению, служит обоснованием тезиса о вечности и неизменности базовых социальных институтов. На этом основании, вытекающем из признания естественной природы организации и функционирования общественной жизни, Лилиенфельд всякие попытки насильственной трансформации этих жизненно важных для существования общества институтов рассматривал как патологию.

На наш взгляд, одной из идей Лилиенфельда, как никогда актуально звучащих сегодня в России, является идея о проникновении чужеродных элементов в общественный организм, которое рассматривается им как источник социальных болезней. В контексте теории социального иммунитета эта идея выступает центральной, поскольку именно проникновение чуждых обществу элементов в виде ценностей, идей, образцов жизни, культурных норм и принципов, особенно в период трансформации или, переводя на язык органицизма, — в период «болезненного» состояния общества, разрушает его и так ослабленный трансформационными процессами иммунитет.

Что представляет собой трансформация с позиций органической интерпретации природы общества? В обществах трансформационного типа доминируют тенденции отвержения старого, при том, что общеприемлемые, консолидирующие модели будущего еще не сформировались, что и создает пространство неопределенности, рискогенности. Трансформация в органицистском парадигмальном ракурсе может рассматриваться как болезненное

состояние организма, переживающего период кардинальных изменений, исход которых заведомо неизвестен. Этот процесс сопровождается ломкой привычного функционирования всех частей общественного организма, взаимосвязанность и взаимообусловленность которых приводят к сбою в работе всего организма.

По мнению Лилиенфельда, болезненные сбои происходят потому, что проникающие чужеродные элементы в общественный организм противостоят направлениям и целям социальной жизни, а сопротивление их болезнетворному влиянию не всегда возможно и даже целесообразно в конкретных исторических условиях.

Аналогия с современным российским обществом весьма красноречиво демонстрирует нам действенность этой идейной позиции Лилиенфельда. Под влиянием трансформационных сил, вызванных масштабными преобразованиями в общественно-политической жизни постсоветской России, в российском обществе произошла аксиологическая революция, в результате которой российский народ раскололся по ценностным основаниям на сторонников традиционной системы мировоззрения и ценностей и западной мировоззренческой системы, в основе которой находятся ценности индивидуализма и рационализма. Российское общество, до настоящего времени существовавшее как общество, основанное на принципах общинной, коллективистской системы ценностей, под влиянием внешних (глобализационных) и внутренних (трансформационных) сил, стало стремительно разрушаться как ценностно единое и потому целостное образование, отвечавшее за сильный иммунитет российского общества, его духовную силу и солидарность, способность противостоять внешним угрозам.

Коллективизм выступал характерной социокультурной чертой российского общества. Он и по сей день имеет весомые позиции в ценностных предпочтениях россиян, значительно атомизировавшихся и индивидуализировавшихся под влиянием западной культуры. М.К. Горшков и вовсе считает, что радикаль-

ный характер происходящих в стране социально-экономических перемен не повлиял существенно на социокультурные стереотипы, определяющие общий склад сознания российских граждан, которые изменяются достаточно плавно, эволюционно, в результате чего структура российского социума продолжает обеспечивать надежную трансляцию базовых жизненных ценностей, мотиваций и способов восприятия действительности [8].

Мы бы не стали так уверенно утверждать, что структура ценностей современных россиян не трансформировалась в направлении рационализации и индивидуализации по той одной причине, что сама капиталистическая сущность постсоветского общественного порядка, тем более в крайне симулятивной и квазидемократической форме, не могла не повлиять на изменение ценностных воззрений россиян, особенно молодых, оказавшихся в принципиально иных жизненных условиях.

Однако не будем в данной работе углубляться в перипетии ценностной трансформации россиян, ограничившись выводом о том, что коллективистская система ценностей российского общества выступала основой его социального иммунитета и способствовала консолидации общества, сглаживанию межэтнических и иных противоречий, поскольку все части общества — социального организма воспринимали себя как единое целое, ощущали свою принадлежность к одной общности и гордились этим, что немаловажно ввиду появившегося в постсоветские годы феномена комплекса национальной неполноценности среди россиян.

В настоящее время российское общество представляет собой социально расколотое, дезинтегрированное, с точки зрения органической теории — болезненное общественное образование, переживающее, согласно концепции П. Штомпки, социокультурную травму [9]. П. Штомпка также, по аналогии с живым организмом, разработал свою теорию социокультурной травмы для изучения последствий радикальных трансформаций для общества, показав при этом

механизм возникновения социокультурной травмы как результат социальной реакции на внезапные изменения в обществе, который аналогичен реакции живого организма на болезненное воздействие извне, которое также приводит к нарушению функционирования организма. В основе социальной травмы, согласно теории П. Штомпки, лежит ломка традиционных для данного общества ценностей и смыслов социальной реальности.

Возвращаясь к социологическому наследию Лилиенфельда как чрезвычайно важному для концептуализации теории социального иммунитета в современной социологической науке, следует отметить, что в теории Лилиенфельд также значимое внимание уделяется взаимосвязи природы и общества, которая проявляется во влиянии, оказываемом на функционирование последнего природной стихией (землетрясения, наводнения, вулканы, эпидемии и другие атмосферные явления и изменения). Эти внешние по отношению к обществу факторы могут привести к его смерти, и современная эпоха лишней раз доказывает, как прозорлив оказался Лилиенфельд (достаточно вспомнить последние катастрофические события в Японии).

Мысль о тесной взаимосвязи природы и общества наибольшую актуализацию получила в учении о ноосфере, которое также можно рассматривать в качестве важной методологической составляющей, сформировавшей основы для формирования концепции социального иммунитета. Учение о Ноосфере неразрывно связано с именем нашего соотечественника В.И. Вернадского, и возникло оно для изучения процессов, связанных с разумной деятельностью человека на планете.

Появление ноосферы как общепланетарной оболочки, по мнению В.И. Вернадского, является закономерным явлением ввиду роста геохимической энергии, а Мари Пьер Тейяр де Шарден — другой видный представитель данного учения, появление ноосферы связывал с духовной эволюцией Вселенной, в результате которой и формируется «человек разумный», а в перспективе эти

процессы приведут к духовному преобразению Вселенной, к соединению человека с Творцом Вселенной [10]. Учение о Ноосфере еще развивается и, более того, оно развивается с новой силой, о чем говорит множество интерпретаций понятия «ноосфера» и понимания того, что значит ноосферное мировоззрение.

При всех разночтениях и интерпретациях этого понятия ключевой идеей учения о Ноосфере выступает особая роль человека в эволюции Вселенной как существа, обладающего разумом и волей, но деятельность его должна сочетаться с законами природы, которая, как и носитель разума — человек, является частью Вселенной.

Таким образом, можно сделать вывод, что в социально-гуманитарной системе научного знания и в частности в философско-социологической отрасли парадигма органицизма в той или иной концептуальной форме достаточно популярна и ее актуальность служит обоснованием концептуализации теории социального иммунитета общества в социологической науке. В отдельных своих проявлениях эта теория получила развитие в трудах таких отечественных исследователей, как А.А. Зиновьев, Р.С. Гринберг, А.Я. Рубинштейн.

В частности, не вдаваясь в подробности по поводу операционализации самого понятия «социальный иммунитет», данными учеными затрагивается проблема механизма социального иммунитета, который, согласно воззрениям А.А. Зиновьева, позволяет защитить общество от внешних влияний и их разрушительных последствий, в то время как представители экономического направления в социологии Р.С. Гринберг, А.Я. Рубинштейн полагают, что механизм социального иммунитета обеспечивает выявление интересов общества вне зависимости от текущей позиции государства.

Очевидно, наука нуждается в более серьезном подходе к исследованию столь важной категории как социальный иммунитет, которая выступает важным инструментарием познания современной реальности в условиях кризисного характера ее развития.

Примечания:

1. Зиновьев А.А. Кризис коммунизма. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=966zinovev_aleksandr_krizis_kommunizma.
2. Цит. по: Волков Ю.К. Идея «болезней» и «смерти» общества и государства в истории философско-социологической мысли // Философия и общество. 2005. №1. С. 50.
3. Там же. С. 51-52.
4. Кудзилов Д. Теория нравственного иммунитета. URL: http://www.sadon.ru/details/publications/block_teor_nrav_immun.
5. Волков Ю.К. Указ. соч. С. 53.
6. Цит. по: Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. С. 17.
7. Волков Ю.К. Указ. соч. С. 55.
8. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. 2009. №3. С. 21-22.
9. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. №2. С. 3-12.
10. Режабек Б.Г. Учение В.И. Вернадского о Ноосфере и поиск пути выхода из глобальных кризисов // Век глобализации. 2008. №1. С. 161.

References:

1. Zinovyev A.A. The crisis of Communism. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=966zinovev_aleksandr_krizis_kommunizma.
2. Quoted on: Volkov Yu.K. The idea of «diseases» and «death» of the society and state in the history of philosophical and sociological thought // Philosophy and society. 2005 . No. 1. P. 50.
3. Ibidem. P. 51-52.
4. Kudzilov D. Theory of moral immunity. URL: http://www.sadon.ru/details/publications/block_teor_nrav_immun.
5. Volkov Yu.K. The mentioned work. P. 53.
6. Quoted on: Shkaratan O.I. Sociology of inequality. Theory and reality. M.: The publishing house of the Higher school of Economics, 2012. P. 17.
7. Volkov Yu.K. The mentioned work. P. 55.
8. Gorshkov M.K. The Russian society in sociological measurement // Sociological researches. 2009 . No. 3. P. 21-22.
9. Shtompka P. Cultural trauma in postcommunist society (the second article) // Sociological researches. 2001. No. 2. P. 3-12.
10. Rezhabeck B.G. V.I.Vernadsky's doctrine of the Noosphere and search of the way out of global crises // The century of globalization. 2008 . No. 1. P. 161.